

КИНОШНАЯ ЖИЗНЬ СОВЕТСКОЙ МОСКВЫ

В 1979-м в Москве насчитывалось более 120 кинотеатров, рассчитанных на 100 тысяч зрителей, из них 15 детских и 28 широкоформатных. На ВДНХ работала «Круговая кинопанорама», в «Кинотеатре повторного фильма» демонстрировали старые фильмы, в «Иллюзионе» – советскую чёрно-белую классику из запасов Госфильмофонда и иностранные ленты для эстетов. А ещё было четыре летних кинотеатра на 2,5 тысячи мест, 174 киноустановки в клубах, дворцах и домах культуры, в красных уголках. Самым большим московским кинотеатром был «Октябрь» на 3 тысячи мест на Калининском проспекте, там проходили премьеры и встречи работников киноискусства со зрителями.

Я помню те времена, как будто это было недавно, когда в любое время года и суток, раскрыв одновременно широко глаза и рот, стояли люди всех возрастов, нет, не у стеклянной витрины с красивым манекеном, а у простой недавно наклеенной киноафиши, пахнувшей ещё типографской краской, выискивая в ней любимые фильмы.

Я как-то попытался на афише, что стояла у нас на углу около метро Авиамоторная, посчитать, сколько кинотеатров в Москве, но когда их перевалило за сотню, я сбился и считать не стал. А ведь ещё фильмы показывали в заводских, институтских ДК.

А какие красочные были афиши фильмов, можно сказать шедевры, в Третьяковку не ходи, стой возле метро «Площадь революции» или у кинотеатров «Октябрь», «Россия» и любуйся творениями художников. Особенно большие афиши были у метро «Площадь революции», под которой стоял десяток автоматов с газ-водой. Пей и любуйся сколько хочешь. В некоторых кинотеатрах перед сеансом играл небольшой оркестрик и пела певица.

В СТУДЕНЧЕСКОЙ ОБЩАГЕ НА ЛЕФОРТОВСКОМ ВАЛУ

В те времена, в конце 70-х годов, наша лефортовская общага студентов МВТУ имени Баумана снаружи выглядела как круизный лайнер, зашедший в глухую рыбацкую деревеньку. В сплошные вдоль

всего фасада линии окон этого лайнера безбожно задувал ветер, а все места общего пользования были ну уж совсем «коммунными», то есть общими для всех и единичными на несколько этажей. Коридорная система способствовала интенсивному общению, в них болтали, пели, играли на гитаре, флиртовали, готовились к экзаменам. Солнечный свет из безмолвной Вселенной сюда, в этот коридор, практически не проникал, он только заглядывал и смущённо топтался на месте, около двух лестничных площадок, где были большие окна. В этих тёмных коридорах всегда был народ, снующий туда-сюда с утра и до утра. Короче, тут был праздник круглый год, и он длился, пока тебя не отчислят за «хвосты» или пока ты не получишь свой синий диплом в придачу к твоему красному носу. И вот в одной из обшарпанных временем кают лайнера, где стояли три железные кровати, три стула, стол, а в стену был встроен шкаф для одежды и всякой кухонной утвари, жили три товарища – одногруппники. И на с этом столе рядом с чертёжной доской лежал скелет от съеденного яблока, а рядом стоял гранёный стакан с недопитым чаем. Весь этот натюрморт, оставленный Мишкой, освещала тусклым светом настольная лампа, которой тоже хотелось спать, а она всё горела и горела.

А сам Мишка спал в своей шерстяной синей олимпийке, в которой наша сборная СССР выступала на Олимпиаде в Мельбурне ещё в далёком в 1952 году, и в чёрных хэбэшных трениках – трикошках, которые мы прозвали «тянучки», так как на коленях у них обычно образовывались пузыри, и тянулись они чуть ли не до пола. И этими пузырями мы мыли полы в своей комнате, пока они не лопались. У Мишки они ещё не лопнули. Спал он поверх старого одеяла, такого же старого, как наша лефортовская общага. Первым, как всегда, встал Бажик и, выключив настольную лампу, ушёл на Авиамоторную, где был большой гастроном под названием «Близнецы». Рядом с ним находился кинотеатр «Факел», который мы не любили и практически его не посещали, а за ним была большая киноафиша, у которой Бажик и остановился. Он медленно вчитывался в каждую строчку: «Аврора» – «Мимино», «Витязь» – «Трактир на Пятницкой», «Гавана» – «Баламут». «Всё это далеко от нашей общаги, где-то у чёрта на куличках, – думал он и вчитывался дальше: «Зарядье» – «Удар в спину», «Слава» – «Уроки французского», «Родина» – «Блеф».

– Вот, то, что нам надо! Студент без блефа, что ёжик в тумане с дырочкой в правом боку. Ни один экзамен не сдаст в сессию, если не ходил на лекции, так что эта итальянская кинокомедия, может, чему-нибудь нас научит... – отходя от киноафиши, подумал Бажик и на всякий случай спросил рядом стоящего пацана:

– Слышь, парень, ты смотрел «Блеф»? Ну, и о чём фильм?

– Там Челентано и мошенник Бэнг постоянно дурят не только окружающих лохов, но и друг друга тоже. Они соперничают, кто из них круче обманет.

– Ладно, посмотрим «Блеф», может, научимся круто обманывать преподав на экзамене, чтоб не схватить «банан» и не ходить потом с «хвостом» по коридорам МВТУ, – подумал Бажик и радостный вприпрыжку побежал в гастроном «Близнецы» за студенческим батоном к чаю.

– Мишка, вставай, пойдём в киношку, потом в пивнушку «Капкан», потом в «Кошкин дом» к девчонкам из педа, а там наши пути могут разойтись как в море корабли. Чё, дрыхнешь, чертил, что ли, всю ночь

свою ракету? Всё равно она до Марса не долетит, максимум до урны только, или препод твой чертёж зубами порвёт как Тузик грелку...

Мишка открыл глаза, уставился в потолок, интересного там ничего не было, кроме следов от пробок шипучего вина «Салют», который был типа «Советского шампанского», только в отличие от него дрянь порядочная, зато цена в два раза ниже. И собравшись с мыслями, изрёк:

– Мужики, я в эту женскую общагу под названием «Кошкин дом» больше не ходок, в прошлый раз еле ноги оттуда уволок. Галка за мной гналась аж до Введенского кладбища, где я и спрятался за каким-то памятником, а она бродит по кладбищу, ищет меня и главное – не боится никого. Не..не, без меня туда идите к этим педагогичкам... – сказал Мишка, делая потягульки, но встать с кровати не собирался.

– Мишка, ты там на кладбище случайно Патрика Гордона с Францем Лефортом не встретил? Эти сподвижники Петра Великого там же лежат, – приколотся Бажик.

– Типун тебе на язык. Я бежал, бежал, остановился, спрятался за памятником, а потом смотрю, это могила детского писателя Михаила Пришвина, который про природу всё писал. Помните?

– А я, Мишка, читал у него в детстве «Серую шейку», – хотел сумничать Бажик.

– Это не он написал, а другой детский писатель – Мамин-Сибиряк. А Пришвин к тому же был ещё и философ и до того дофилософствовал, что сказал, мол, мудрец под конец жизни понимает, что смерть страшна только со стороны, для близких людей, но для себя смерти нет, и сам человек в себе как родился бессмертным, так и уходит от нас...

Тут в комнате повисла тишина, тише, наверное, только в безмолвной Вселенной.

– Миша, кончай уже проповеди чужие рассказывать и начитанность свою демонстрировать. Вставай, Бажик уже всю киноафишу на углу Авиамоторной прошерстил и всю подноготную киношную жизнь Москвы изучил, и пришёл к выводу, что сегодня пойдём в бесподобный кинотеатр «Родина», в котором ещё не были. Там идёт итальянская кинокомедия «Блеф» с твоим любимчиком Андреаном Челентаном.

При слове, «Родина» Мишка оживился и стал вспоминать... Оказывается он уже бывал в этом кинотеатре, который напоминал ему чем-то мавзолеею Ленина, но только кинотеатр был намного выше, и наверху, вместо членов Политбюро ЦК КПСС, тусовался простой народ. Там, якобы, есть какая-то смотровая площадка, а чуть выше – ресторан. Мишкин отец год назад зимой приезжал в Москву в командировку (он закончил в 50-х годах МВТУ) и водил Мишку в «Родину» на какой-то фильм. Но так как была зима, поэтому на крыше кинотеатра они не были, там было полно снега. Зато сейчас летом мы всё там разглядим.

«ШАГАЛ ПОД ОКНАМИ РИСУЕТ..»

— **Ж**ень, посмотри, что за шум там под нашими окнами во дворе? – спросил Бажик, делая бутерброды к чаю.

– Да, это наш дворник дядя Марк опять «белые круги» метлой рисуется на асфальте. Худо ему, наверное, макмыр с утра мучает.

– Жень, у него фамилия случайно не Малевич?

– Нет, он Марк Шагал-офф, – сострил я, показывая, что тоже «не лыком шит» и тоже шарю в живописи. И тут же был бит за это Бажиком.

– Вообще-то он не Марк, а Моисей Шагал, и рисовал он не на асфальте, а одно время разукрашивал дома в своём родном Витебске. А до этого в юности писал стихи на идише про синий дом, вот оно послушай:

«Ты помнишь ль меня, мой город,

Там, где дома стоят кривые,

Где склон кладбищенский встаёт,

Где спит река, там золотые деньки я грезил напролёт».

– Ребята, может, хватит уже про кладбище с утра верещать. Мы поедem в кино или нет? – поставил в этом диалоге точку Бажик, так как наполовину он был евреем по матери, и с ним спорить никто про Моисея Шагала не хотел.

Ведь Шагал нарисовал себя красным евреем, где он в своей картине сидит на фоне красного дома с красной бородой, а нос, как и лицо его, – белый. И Шагал всё равно рисовал так, что лучше французского писателя Луи Арагона сказать нельзя: «Жизнь Шагала в том, чтобы рисовать. Эта страна невесомости, где человек ничем не отличается от птицы, а осёл живёт на небесах, где любая вещь превращается в цирковое действо и где очень удобно ходить на голове, не нуждается в объяснении... В творчестве Шагала своя диалектика, единственным примером которой я признаю «Сон в летнюю ночь» Шекспира».

В то же время мэтр кубизма Пикассо говорил о Шагале: «Когда умрёт Анри Матисс, Шагал останется единственным художником, кто действительно понимает, что такое цвет». Сам же Шагал со свойственным ему юмором так отзывался о Пабло Пикассо: «Что за гений этот Пикассо, как жаль, что он не рисует».

В окно высунулась чёрная косматая голова Бажика, похожая на чёрное облако перед грозой, и крикнула:

– Эй, дядя Марк, лови «рябчика».

Тот стал крутить головой по всем деревьям, где сидели чёрные вороны, которые смотрели на него и что-то каркали. Металлический рубль звонко ударился об асфальт, подскочил и упал на «орла».

– Дядя Марк. Шагал бы ты в пивнушку, опохмелился бы там, а то больно уж на тебя смотреть. Окочуришься ещё под нашими окнами, а нам это надо? – кричал сердобольный Бажик.

– Спасибо, мужики, – бросив метлу и подобрав рубль, сказал ватным языком дворник.

В СТАРЕНЬКОМ ТРАМВАЙЧИКЕ

В кино и на занятия в МВТУ Мишка ходил одетый «с иголочки»: джинсики настоящие – «Монтана», батник серый на кнопках, куплен в «Белграде» (это такой югославский фирменный магазин в Москве), пиджак чёрный кожаный, сапожки «казачок», куртка болоньевая финская (папа привез из командировки). Ну, как Ален Делон лефортовский, да и только.

Старенький трамвайчик под номером 43 Устькатовского производства, грохоча по бульжной мостовой, высекая на стыке рельс искры из под своих «колёс-копыт», встал как истукан на светофоре. Трёхглазый

светофор, устав моргать жёлтым глазом, открыл зелёный, и старенький трамвайчик, пыхтя, помчался навстречу к «Родине». Не к своей родине в Усть – Катав, где его произвели на свет такого несуразного, а к кинотеатру, который походил на мавзолей Ленина. Трамвай мчался, проклиная по пути дороги и тех дураков, которые его спроектировали. При этом Ленин тоже в Мавзолее материл Сталина, который устроил ему такую показательную смерть...

– Миша, а это случайно не бауманцы спроектировали этот трамвай – тарактелку? – спросил я.

– Жень, ты чё, в своем уме..? Нам бы просто не дали его спроектировать. Мы же оборонный щит Родины куём и поэтому проектируем только то, что в слух говорить нельзя. Ну, и для Космоса кое-что проектируем, которое полетит далёко и не знамо куда, может, даже за пределы Млечного пути, но в пределах Вселенной, конечно.

По дороге в кино нам с огромного фанерного щита махал рукой дорогой наш Леонид Ильич, и мы прочитали его слова: «Крепи оборонный щит страны». И Мишка, прочитав их, радостно сообщил нам: «Это он нам написал напутствие». И хотел сказать вождю: «Дорогой Леонид Ильич, ещё как крепим этот щит, ночей не спим, скоро сами затрещим. Вот ракету вчера ночью нарисовал боевую...» – и хотел дать ещё и честное комсомольское слово, но услышал трескучий голос вагоновожатой:

– Госпитальная площадь, следующая остановка «Введенское кладбище», – и при последних словах Мишка сразу угомонился.

– Мишка, а мы за проезд заплатили? – спросил я его, не потому что не любил ездить на халяву, я просто не любил платить штраф в один рубль за бесплатный проезд.

– Ещё нет, не заплатили, – озираясь по сторонам ответил Мишка.

– Совесть, Миша, лучший контролер, – сказал я и бросил 9 копеек в красный металлический ящик – монетоприёмник, покрутил колесико и оторвал 3 билета.

Бажик попытался зашипеть на меня, что, мол, деньги зря тратишь, и так могли бы доехать «зайцами», но, вспомнив, как его недавно контролеры высадили из трамвая на Красноказарменной за безбилетный проезд, успокоился и стал искать «счастливый» билет, складывая в уме цифры. Бажик странный малый, полчаса назад ему рубль на опохмел дворнику жалко не было, а тут три копейки пожалел государству. Народу в трамвае было много, и мы через некоторое время стали пробираться к выходу. И Мишка спрашивает у впереди стоящих симпатичных девушек, которые на нас ноль внимания:

– Вы у родины выходите?

Они посмотрели на Мишку как на чокнутого и ломанулись в середину вагона. Мало ли что можно ожидать от этого придурка, похожего на маньяка. Я сначала не понял, в чём дело. Из-за чего девчонки побежали. Посмотрел на Мишку, вроде не страшенький. Не Челентано, конечно, но на молодого Бориса Андреева похож, такой же сермяжный мужичонка. Потом до меня, как до жирафа на третьем метре его шеи, дошло.

– Миша, надо было спросить у девушек: «Вы не выходите на Семёновской площади, у кинотеатра «Родина?» А то они поняли, что ты их обозвал уродинами, а они даже ничего, симпатичные, – сказал я Мишке, когда мы вышли из трамвая.

А девчонки, стоя у окна вагона, смотрели на нас. Крутили пальцем у виска, показывая на нас, мол, вы – чокнутые, но мы бы с вами пошли в «Родину» на последние ряды.

– Мишка, ты не помнишь, в каких фильмах снимался Борис Андреев? – спросил я и, наверное, зря это сделал. Время-то уже упущено было с этими девчонками.

– Нет, не помню. А тебе зачем?

– Да ты на него чем-то похож.

– А он красивый хоть?

– Да, Миша. Он вылитый русский Челентано, – соврал я.

Где Мишка и где Челентано? Челентано в центре Млечного пути, а Мишка на краю Вселенной. Вообще-то доехали из Лефортово до Семеновской площади быстро, на метро добирались бы дольше. Кинотеатр «Родина» находился на Семёновской площади. Его построили в конце 30-х годов, изначально как трёхзальный кинотеатр: два зала в здании, один на крыше на открытом воздухе, однако впоследствии зал на крыше не сохранился.

В советское время кино не нуждалось в рекламе. Гигантские очереди у касс всегда были лучшей «афишей» фильма. Советский человек ходил в кинотеатр в среднем 17 раз в год! Мы купили билеты в кино, и до сеанса оставалось ещё 40 минут. Изначально предполагалось, что сеансы в кинотеатре «Родина» будут проходить не только внутри здания, построенного в стиле постконструктивизма, но и на крыше. Однако в итоге там оборудовали ресторан, который работал до 60-х годов. Мы поднялись на террасу летнего фойе кинотеатра, оттуда открылась как на ладони превосходная панорама Семеновской площади. На террасе находилась колоннада, куда надо было подниматься по лесенке, там был когда-то летний кафе-ресторан с панорамным обзором. С правого бока над колоннадой возвышалась башенка-колоннада, увенчанная сверху «Серпом и Молотом». Позже, когда труд станет в стране не в почёте, эту башенку с «Серпом и Молотом» снесут. А зачем, кому она мешала?

ПАМЯТНИК БОЙЦУ ПОГРАНВОЙСК НКВД

Мишке больше всего на террасе понравилась скульптура пограничника с собакой, и они бежали в сторону кафе-ресторана, как будто там сидел шпион. Позже мы всё же узнали, что эта скульптура называется «Защитник дальневосточных рубежей». Где Дальний Восток? И где мы – на крыше почти в центре Москвы. Памятник бойцу погранвойск НКВД Никите Карацупе и пограничной собаке Индусу. Карацупа в 1930-е годы служил в беспокойном Приморье, где недружественная Японская империя и обосновавшиеся в Китае и Маньчжурии бывшие колчаковцы проверяли на прочность границу СССР. Всенародную известность пограничник получил в 1936 году, когда ночью в одиночку не без помощи Индуса обезоружил девятерых нарушителей, а всего за двадцать лет службы Карацупа задержал 338 нарушителей и 129 уничтожил. Эта скульптура чем-то напоминала красноармейца с собакой, что стоит в метро «Площадь Революции», только там они с Мухтаром спокойно сидели, наблюдая за прохожими, и ждали, когда Мухтару нос поглядят. Мишка усиленно стал тереть Индусу пятак.

– Мишка, ты зачем это делаешь? – спросили мы его.

– На удачу, – был его ответ.

– Мишка, на удачу трут нос другой собаке – Мухтару, она сидит в метро «Площадь Революции», – пояснили мы ему.

Осмотрев всё наверху, мы спустились в сам кинотеатр.

В ФОЙЕ КИНОТЕАТРА

А фойе было ещё грандиознее, и тоже везде колонны, шикарный буфет, правда, без пива, читальный зал, зато с прессой. Бажик хотел посидеть в читальном зале в кресле и полистать журнал «Крокодил», но тут заиграла музыка, и мы пошли в фойе, где на маленькой сцене играл небольшой оркестрик. Ну просто как в филармонии. Оказывается, он играет перед каждым сеансом после 16-00.

– Вообще хорошо придумали с этой музыкой, культурно так, и настроение перед фильмом поднимает, – говорит Бажик, держа за спиной в руке трубочкой свернутый «Крокодил». Слямзил всё-таки. Ну, да ладно, в общаге почитаем. Потом на сцену вышла какая-то тётенька, видимо, солистка «Москонцерта», Бажик, как культурный студент, зааплодировал, и она запела. Пела без микрофона, но звук в фойе был отменный. Бажик стал смотреть на неё в трубочку из «Крокодила», видимо, представил, что это у него театральные очки. Ну, никакой культуры в общественном месте. Она спела пару весёлых песен, и зазвенел звонок на сеанс, народ потянулся в зал.

В «Родине» было два кинозала, мы заметались. А в какой нам зал? Но толпа сама вывела нас, куда надо. Фильм прошёл на одном дыхании, умеют итальянцы кино снимать. А эти цитаты из фильма: «Когда блефуешь, неважно, что у тебя есть. Заставь других поверить, что у тебя есть что-то стоящее. Настоящий блеф – это когда сам в него поверишь. Легче всего люди верят в самое невероятное. У меня будет всё, что я захочу, и немножко больше».

– Я, наверное, возьму их себе на вооружение, – сказал тихо Бажик, не сводя взгляда с Челентано.

– Послушай ты, писклявый комар, если ты вякнешь ещё что-нибудь в этом роде, я расшибу тебе рожу! Но поскольку ты в другом весе, то драки не будет. Это так глупо, что может сработать, – услышал Бажик с экрана. Это говорил Челентано, но не ему, и Бажик успокоился.

СОТЫЙ УНИВЕРМАГ МОСКВЫ НА СЕМЁНОВСКОЙ ПЛОЩАДИ

Выйдя из кинотеатра, я спросил Бажику, какой трюк ему больше всего понравился в фильме. Он, не задумываясь, ответил: «Трюк в магазине, когда они покупали ткань».

Слева от кинотеатра «Родина» находится универсальный магазин, прежде известный как «Сотый».

– Сейчас пойдём в универмаг в отдел «Ткани», там и попробуй этот трюк, – сказал я Бажику в шутку.

Тот тоже ради прикола начал на улице чесаться как шелудивый пёс, народ стал шарахаться от него, как от чумного. Ну, короче Бажик быстро вошёл в образ Бенга, правда, долго потом из него выходил. Я уж был не рад, что спросил его про трюк. Зашли в универмаг, а там – мама дорогая! Богатая лепнина на потолках и стенах, шикарная мраморная лестница. Первый этаж: вина-воды, гастрономия, бакалея, мясо, пельмени, рыба (треска копчённая – здоровенные рыбины), овощи. А какой кондитерский отдел в «Сотом»!! Клюква в сахаре развесная. Конфет сто сортов. «Мне сто граммов тех, сто граммов этих... вон тех сто граммов. Можно в один пакет...» – тараторила какая-то женщина.

Чтобы не слюнявить друг друга, пошли по мраморной лестнице на второй этаж. Второй этаж, где был огромный отдел тканей, обуви, культтовары, в том числе грампластинки, верхняя одежда, парфюмерия, канцтовары. Отдел тканей сразу пропустили, чтобы не искушать Бажика, который хотя и с трудом, но всё же успокоился.

Вышли на улицу, там пахло баранками и сиренью. Какое-то странное сочетание. «Стоп! Какой сиренью? На дворе конец июня», – подумал я и оглянулся по сторонам, а точно ли конец июня?

Тут я увидел, что Бажик в руках держит какой-то флакон и нюхает его.

– Вот в универмаге купил, понюхай, какой приятный запах, – говорит Бажик и протягивает мне флакон одеколona. Пахло сиренью, хорошо, что не «Шипром».

Бажик шёл и тархтел что-то себе под нос, я прислушался. «Любой урод сыграет с хорошей картой. Настоящий игрок понимает всю прелесть блефа. Когда блефуешь, неважно, что у тебя есть. Заставь других поверить, что у тебя есть что-то стоящее. Все думают, что у тебя полный дом, когда у тебя на руках всего пара двоек». Блин, я где-то уже слышал. Через минуту я понял – это цитаты из фильма «Блеф».

А на Семеновской площади пахло свежеиспеченными баранками, и всем сразу захотелось есть. Где-то здесь рядом находится то ли бараночная фабрика, то ли хлебозавод, откуда и шёл этот приятный запах. За углом «сотого» универмага мы наткнулись на палатку, где и продавали свежайшие баранки. Купили связку баранок и повесили её на шею Бажика. Теперь он нюхал не свою «Сирень», а свежие баранки. На его лице был детский восторг. Много ли студенту Бауманки надо: сконструировать «Буран» да утолить голод. Мы сидели в небольшом зелёном скверике за «Сотым» универмагом и, жуя баранки, думали: «Так будет вечно, воздух будет пахнуть свежим хлебом и сиренью».

Евгений Феликсович ТАТАРНИКОВ
г. Ижевск

